

Священные воды в пространственной иконе Покрова на Нерли

В настоящей работе использованы термин и понятие «пространственная икона», которые были введены в искусствоведение А. М. Лидовым. Впервые термин был использован им в 1992 г. в связи с исследованием об иконе «Одигитрии Константинопольской» и в дальнейшем получил развитие в его иеротопических исследованиях, в которых пространственные иконы рассматриваются как особое явление византийской культуры и искусства¹.

Под «пространственной иконой» понимается специально организованное священное пространство, которое должно стать образом-посредником между миром земным и небесным. Это либо рукотворное пространство храма, либо нерукотворная природная среда, преображенная человеком (монашеские общежития, места отшельничества, пещерные церкви и монастыри, погребения). Частью этого целого становятся и культовые практики, которые используют сакральное храмовое или природное пространство.

Принципиально важно, что компоненты священного пространства перебивают в состоянии постоянного движения и изменения: храм как средоточие массового молитвенного поклонения, живая среда священнодействия, его активное восприятие верующими. В этом смысле пространственные иконы перформативны.

Рассматривая, к примеру, храм как целостный образ пространственной иконы, надо отметить и архитектуру в качестве материальной оболочки, и его изображения, и проводимые в нем религиозные обряды. В это включены разнообразные формы организации храмовой среды и ее оформления, звуковое и световое сопровождение священнодействия, переносимая

¹ Лидов А. М. Пространственные иконы: Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009, с. 39. См. также: Лидов А. М. Пространственные иконы. Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006, с. 349–372; Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2011.

литургическая утварь. Собственно иконные и фресковые образы задуманы в этом пространстве как объемные сущности, несущие многозначные идеи и темы, не ограничиваемые лицевой неподвижностью изобразительной плоскости.

Многоуровневый тип сакрального пространства являет собой нерльско-клязьминская пойма, названная нами «пространственной иконой Покрова на Нерли». Как мы постараемся показать, это особый проект, своего рода произведение, содержащее в себе нерукотворное первозданное пространство пойменного луга, воды рек и разлива, обрядовое действие крещения и рукотворное творение человека – храм Покрова как центральный элемент в организации изначально священного пространства и как необходимый для действия крещения баптистерий. В изменении живой среды огромную роль играет вода, активная, постоянно движущаяся животворящая субстанция, периодически разливающегося «морем» половодья, живоносная водоточивость подхрамового холма, возрождающая «иорданский» обряд как часть подвижного священнодействия, предполагающего динамичный диалог между народом и вынесенным на фасады храма рельефным программным текстом, рассчитанным не на пассивное созерцание, но на усилие прочтения. Все это видится как осознанный проект и особый вид творчества по созданию сакральных пространств – преобразование природы в священный микромир пространственной иконы, занимающей свое важное место среди подобных творений, основанных на концепции преобразования природных стихий, в данном случае - воды.

В середине XII в. владими́ро-сузда́льский князь Андрей Юрьевич Боголю́бский (княжил с 1157–1174 гг.), перенесший великий стол из Южной Руси в Северо-Восточную, из Киева во Владимир, развернул в своей молодой столице масштабное и престижное белокаменное строительство. Вполне практические и необходимые для города столичного статуса архитектурные и градостроительные планы князя, сопровождаемые мощно звучащей

идеологией богоспасаемости и священности княжества, пребывающего под особым покровительством Богоматери, вылились в масштабный иеротопический проект.

Создание сакрального пространства, вобравшего в себя ядро территории княжества, видится как единый авторский замысел князя. Именно он разрабатывает и осуществляет грандиозную градостроительную программу, распространявшуюся на три холма столицы и на свой загородный дворец-замок, объединенных единой архитектурной осью, открывающейся Золотыми воротами во Владимире и замыкающейся княжеской резиденцией в Боголюбове.

Иконография образа вмещала в себя иерусалимский ориентир – крест главных улиц в кольце крепостных стен с соборной постройкой в центре на территории детинца – и символическую смысловую наполненность, свойственную византийской традиции. Так, центральный (Успенский) собор во Владимире, открывая тему Богоматери, задумывается как реликварий для главной святыни земли – иконы Богоматери Владимирской. Золотые ворота в святой град осеняются храмом в честь Риз Богородицы, собор в загородной резиденции князя посвящается ее Рождеству. Такая идеальная городская структура несла в себе глобальную для эпохи Средневековья идею создания святого Града Небесного. В этом контексте Золотые ворота наделялись символом торжественного входа в город-храм.

Особо важным моментом становится тот факт, что город-храм с его центральной святыней оказывается охраняем с востока и запада храмами, посвященными почитанию покровов Богоматери: с запада храмом Положения Риз над Золотыми воротами, с востока, включая резиденцию князя в Боголюбове, храмом Покрова Богородицы, а с двух других сторон – священными водами рек Клязьмы и Лыбеди (ил. 1). И еще у боголюбовского мыса – рекой Нерлью.

Принципиально и то, что проект поддерживается сопровождающими его текстовыми идеологемами в жанре «Сказаний»: Сказанием о чудесах

Владимирской иконы Богоматери², Сказанием о победе над волжскими болгарами 1164 года и празднике 1 августа («...всемилоствому спасу и пречистой его матери»)³; текстами празднику Покрова⁴. Сравнение Андрея в текстах княжеско-воинского праздника Спаса с византийским императором Мануилом Комнином и отождествление видений божественной избранности владимирскому князю и первому христианскому императору Константину прямо указывают на осознанно избранный образец инициатив Андрея Боголюбского, творящего свое княжество как Новую Византию. В ранней редакции «Жития Андрея Боголюбского»⁵ и позже в «Повести» о его убиении»⁶ сопоставлением Андрея с Соломоном обозначен и второй – иерусалимский – образец. Актом освящения княжества становится обретение в 1160-х гг. мощей епископа Леонтия Ростовского.

Казалось бы, сакральный образ завершен. Тем не менее, Андрей предпринимает еще одно начинание, основанное исключительно на его волеизъявлении. Мастерам повелевается возвести храм в отдалении от боголюбовского замка, в заливном луку, на низменном мысу слияния двух рек⁷ (ил. 2). Проект видится специальным, продуманным и осознанным княжеским заказом романским зодчим и исполняемым, без сомнения, под

² Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. СПб., 1878 (ОЛДП, № 30), с. 21–28.

³ Сказание о победе 1164 г. над болгарами и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 88–92; Филипповский Г. Ю. Художественно-документальные жанры владимирской литературы 60-х гг. XII в. // Вестник МГУ, 1979, № 4, с. 37–44; Летописный текст о победоносном походе 1164 г. Андрея Боголюбского на Болгар см. также: ПСРЛ, Лаврентьевская летопись. Т. 1. М., 1997, стб. 352.

⁴ Троицкий кондакарь. РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 23. Л., 47.

⁵ Житие Андрея Боголюбского // Доброхотов В. И. Древний Боголюбов-город и монастырь с его окрестностями. М., 1952, с. 70.

⁶ Повесть о убиении Андрея Боголюбского / Подг. текста, пер., и ком. В. В. Колесова // ПЛДР. XII век. М., 1980, с. 324–337, 669–671; Краткая летописная редакция повести: ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М., 1997, стб. 367–371; Пространная летописная редакция «Повести»: ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. М., 1998, стб. 580–595.

⁷ По Т. П. Тимофеевой, церковь Покрова на Нерли возведена в одно время с княжеским боголюбовским замком-резиденцией в 1158 г.: Тимофеева Т. П. Новые исследования памятников архитектуры Андрея Боголюбского // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Международная научная конференция (Владимир, 5–6 июля 2011 года). Владимир: ГВСМЗ, 2013, с. 217–218. Эта очень важная версия датировки, говорящая о единовременном свершении грандиозного замысла князя Андрея, не поддерживается ведущими исследователями белокаменной домонгольской архитектуры, см., например: Иоаннисян О. М. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М., 2005, с. 37. Исследователь придерживается традиционной датировки строительства церкви – 1165-го года.

наблюдением князя. И тут мы сталкиваемся с явлением, которое, при множестве уже существующих объяснений, нуждается в специальном истолковании.

Храм был поставлен на территории заливного пойменного луга, в непосредственной близости от рек при их слиянии – в устье реки Нерли, впадавшей здесь в Клязьму, текущую из Владимира через Боголюбово по середине луговой поймы⁸. Ныне Клязьма и устье Нерли отошли от храма примерно на километр, от Клязьмы осталась у подножия постройки старица-озеро. «Место, где строился храм, было в 1165 г. почти равнинным пойменным берегом»⁹, по причине чего под него был возведен искусственный холм пирамидальной формы с широкой лестницей, подходящей вплотную к Клязьме¹⁰. С тех пор храм стоит «среди равнинной нерльско-клязьменской поймы, на пологом холме подпрямоугольной формы, поднятом над летним зеркалом реки примерно на 6,02 м»¹¹ (ил. 3).

У исследователей существуют разные версии строительства здесь храма. Много было сказано, в основном Н. Н. Ворониным, о том, что тем самым Андрей: а) укрепил водные пути Клязьмы-Нерли; б) возвел храм как акт репрезентации княжества у «ворот владимирской земли»; в) утвердил культ Богоматери на владимирской земле, подчеркнув ее покровительство княжеству; в рамках привлечения множества других культов, соделал это для укрепления власти¹². Своего рода «триумфальными воротами, стоящими в начале речного пути», рассматривал памятник и Г. К. Вагнер¹³. Были затронуты и тема победы и напрямую связанная с ней тема пантеона.

Версия репрезентации княжества именно в этой пойменной точке, на наш взгляд, выглядит не совсем убедительно. До великолепного Боголюбовского

⁸ Этот факт можно извлечь из писцовых книг 1645–1647 гг., их публикация: *Доброхотов В.И.* Древний Боголюбов-город, 1852, с. 142.

⁹ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 279.

¹⁰ На каркасном фундаменте было возведено как бы основание самих стен здания, затем засыпано береговым грунтом, и этот искусственный холм облицован «белокаменной и туфовой вымосткой», см.: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 285.

¹¹ Там же, с. 277.

¹² *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 535, примеч. 61.

¹³ *Вагнер Г. К.* Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре // СА, 1962, №3, с. 88.

замка князя оставалось по реке Клязьме всего около километра пути, и эта водная дорога подходила вплотную к нему. Встреча гостей непосредственно в резиденции была более оправданна. Помимо того, в княжеском замке была своя Богородичная (Рождественская) церковь.

Немаловажен и тот факт, что резиденция князя была крепостью, защищенной рекой, высоким ее берегом и крепостной стеной. Стоящая же в отдалении и одиночестве у водных дорог Покровская церковь, ничем не защищенная и потому наиболее уязвимая, предположим, при нападении болгар, со стратегической точки зрения была своего рода «жертвой». Именно с этой стороны «земли в нижнем течении Оки [в которую впадает Клязьма], в окрестностях будущего Нижнего Новгорода, находились тогда под влиянием болгар»¹⁴. Воистину, защита могла возлагаться только на покровительство Богородицы.

Тема победы действительно ярко звучит в программе памятника. Мысль, связывающая постройку храма с памятью о победоносном походе владимирских полков на болгар в 1164 г., сформулированная в «Сказании о чудесах владимирской Богоматери», XII в., и в «Житии князя Андрея», начало, XVIII в., была подхвачена Н. Н. Ворониным, писавшим: «... успех [похода] был тогда же, в XII в., истолкован как “чудо новое” взятой в поход иконы Владимирской Богоматери»¹⁵. В самом факте возникновения храма историки усматривали некие действия побежденных болгар: «десятая часть» привозимого ими белого камня шла на возведение храма Покрова¹⁶.

Тема победы находит отражение также в торжественности собственно здания, ее содержит и фасадное рельефное убранство. К победоносному походу на болгар непосредственное отношение имеет один из главных рельефов, повторенный дважды зеркально в поле боковых малых тимпанов:

¹⁴ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002, с. 173.

¹⁵ Сказание о победе 1164 г. над болгарями, с. 12; См. об этом также: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 535, примеч. 59.

¹⁶ *Строганов С. Г.* Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме). М.: Типогр. Александра Семена, 1849, с. 4; *Доброхотов В. И.* Древний Боголюбов-город, с. 70; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 262, 298.

грифон, попирающий лань (ил. 4), говорящий (в числе других символических значений) о конкретной победе над конкретным врагом. Справедливо мнение Г. К. Вагнера, согласно которому «храм строился как памятник победы над волжско-камскими булгарами», и видевшему в мотиве «когтящего» грифона «символ победы над язычеством»¹⁷. В этом контексте победоносный образ грифона говорил о христианизации народов и приобретал черты символа крестоносцев, каковыми и являлись владими́ро-суздальские князья¹⁸. Тема победы отражена и еще одним княжеско-воинским символом, бытовавшим в XII в. в качестве княжеского герба, – пардусами, изначально фланкировавшими южный княжеский вход на хоры¹⁹ (ил. 5).

Однако тема победы не решает вопроса заложения храма в «условиях затопляемой местности».

Также нельзя истолковать назначение храма в контексте своего рода пантеона, якобы возведенного в связи со смертью сына Андрея Изяслава, мысль, высказанная в XIX в. В. И. Доброхотовым: «В то же время храм был и памятником сыну Андрея Боголюбского – Изяславу, погибшему от ран, полученных в битве с болгарями»²⁰. Как оказывается, сама идея создания церкви к Изяславу отношения не имеет. Во-первых, он умер от ран осенью 1165 г. (тогда как строительство к этому времени было уже закончено), и, во-вторых, положили его в «соборной Успенской церкви»²¹ (в Успенском соборе города Владимира). Как видим, и версия пантеона является несостоятельной.

¹⁷ Вагнер Г. К. Грифон во Владимиро-суздальской фасадной скульптуре, с. 88.

¹⁸ Об этом: Гладкая М. С. Каталог белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: Центральное пряслице северного фасада. Владимир: Областная биб-ка им. Горького, 2003. Вып. 3, с. 38.

¹⁹ О находке и предполагаемом местоположении рельефа: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. 1961: 297; о пардусе как символе и персонаже княжеского герба: Соболевский А. Медные врата // Русская икона: сборник 1. Пг., 1914, с. 58–61; Некрасов А. И. О гербе суздальско-владимирских князей // Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 406–409; Вагнер Г. К. К вопросу о владими́ро-суздальской эмблематике // Историко-археологический сборник: (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962, с. 254–264.

²⁰ Доброхотов В. И. Древний Боголюбов-город, с. 70.

²¹ Лаврентьевская летопись. М., 1997, стб. 353: «Положиша Изяслава в Успенский собор во Владимире». На тот же факт указывает и сам В. И. Доброхотов на основании текста «Жития князя Андрея»: «Сего же лета [1165] сын его первый Изяслав Андреевич ко Господу отъиде, и положен бысть в соборной Успения Пресвятыя Богородици церкви», цит. по: Доброхотов В. И. Древний Боголюбов-город, с. 70.

Пантеон сыну князя логичнее было возвести в княжеской боголюбовской резиденции²².

Вторично задаемся вопросом, зачем Андрей Боголюбский предпринимает трудно исполнимый, дополнительный, как бы уже излишний с точки зрения здравого смысла проект создания величественного сооружения с галереями, гульбищем, хорами, лестничными башнями, ведущими на них, вознося его на трудоемко возведенный искусственный холм с парадным спуском к воде. И это, вопреки всей практике мирового строительства, в затопляемой речной пойме, к тому же руками европейских мастеров-профессионалов, знающих досконально этот вопрос. Зачем было Андрею дублировать церкви и строить вторую? Ведь встречи гостей, показ великолепия европейского уровня, государственные и торговые вопросы решаются в замке-дворце, отстоящем отсюда примерно на 600 м (по суше), к которому, к тому же, вплотную подходит река Клязьма. Здесь же замыкается или отсюда начинается сакральная среда города-храма, столицы, в которую естественным образом вовлекается каждый прибывший.

Может быть, решающим стало следующее обстоятельство. Сотворенный мыслью Андрея храм Покрова нес одно очень важное для него и для престижа его молодого княжества качество: идейная направленность храма четко соответствовала идейно-политическим мероприятиям князя. Замысел избранности Владимиро-Суздальской земли среди других русских княжеств, приоритет ее князей, проводившаяся в «Сказании о Владимирской Богоматери» мысль об особом покровительстве этой территории небесными силами был наиболее актуален в период наибольшей активности Андрея Боголюбского и усиления Владимиро-Суздальского княжества. Эти идеи воплощены были в символах фасадной декорации. На внешних поверхностях стен церкви в рельефных образах была развернута мощная государственно-политическая программа, представленная высеченными в камне локальными группами рельефов, отчетливо читаемыми, трижды повторенными на

²² Однако, как следствие, предстает убедительной датировка 1165 г.

северном, западном и южном фасадах, хорошо обозримыми даже с земли, но еще лучше – с галерей. Актуальная для задач княжества иконографическая программа была зрительно активна и действительно заявляла о себе. Доступность этой программы была продуманным шагом.

Центр каждой композиции занимало (это мы видим и ныне) изображение царя Давида, удостоенного присутствия Святого Духа в образе голубей и сопровождаемого своей эмблемой – львами, образами силы и власти (ил. 6). Символический замысел сцены был прозрачен: современный властитель подобен идеальному ветхозаветному правителю, чем закреплена была политическая концепция избранности и богоблагословенности власти. В той же важной – верхней – пространственной зоне помещены отмеченные выше горделивые грифоны, подпирающие раболепную лань, яркий символ правителя-победителя, властвующего над покоренными народами, визуальная модель государственности. В христианской культуре существовали параллели отражения религиозно-политических замыслов в изобразительных структурах храмов. Один из таких примеров являла Фаросская церковь в Константинополе²³.

В этом контексте обратим еще раз внимание на немаловажный момент: на авторство замысла, на заказчика церкви. Как боголюбивая резиденция, так и церковь Покрова имели особый статус княжеских построек. В их посвящении мы не наблюдаем использования реликвий. Существенно, что традиция осуществления через *княжеские* церкви *инициатив князя* по проведению необходимых ему политических программ, включая задачи христианизации населения, да и сам факт посвящения княжества Царице Небесной, были «считаны» с храмов Киева. Таковой по своему характеру являлась киевская княжеская Десятинная Успенская церковь, которая, в свою

²³ Лидов А. М. Мандилион и Керамион: Иконический образ сакрального пространства // Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / Алексей Лидов А. М. М.: Феория: Дизайн. Информация. Картография: Троица, 2009, с. 118–119.

очередь, использовала константинопольские образцы, развитые уже отмеченной Фаросской церковью и церковью Св. Апостолов²⁴.

Однако сказанное опять же не проясняет вопрос. Государственную программу глубочайшего уровня несли храмы Владимира и Боголюбова²⁵. Отражение государственных задач княжества на фасадных поверхностях стен и далее закрепилось как традиция. Пример тому – Дмитриевский собор во Владимире (1194–1197 гг.).

Итак, как оказывается, приведенные доводы не объясняют одной существенной стороны Покровского храма: возведение его в низменном нетрадиционном месте, в *заливной речной пойме*, где строить принципиально нельзя. Может быть, следует взглянуть на обилие непосредственно вокруг храма и в целом в окружающем пространстве воды как на главнейшую и принципиально необходимую составляющую замысла и осмыслить мероприятия князя в этом контексте?

Рассуждая в этом направлении, приходим к выводу, что определяющее и решающее значение на создание храма именно в данном месте оказало *наличие близких и доступных, не иссякающих природных источников*. Скорее как раз факт первозданной чистоты и красоты неприкосновенного (никогда не скашиваемого) луга, протекания здесь двух рек, несущих первозданно священные воды, был положен в основу замысла. А это, в свою очередь, дает возможность предположить, что Андрей осмыслял эту водную территорию в контексте иеротопической концепции *пространственной иконы*.

Если практическая сторона возведения здесь храма вызывает вопрос, то достаточно ясно выражена концепция символического явления «со дна океана» освященной водами ИКОНЫ. Иконы – как образа мироздания, с одной стороны, и как образа нового княжества – с другой, со всей его программой государственного мудрого устройства. Очевидно, что Андрей созидает пространственную икону, игравшую в его иеротопии роль

²⁴ Эта мысль развернута: *Ранчин А. М.* Борис и Глеб. М.: Молодая гвардия, 2013, с. 84, 86.

²⁵ *Иоаннисян О. М.* Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси, с. 34–35.

обобщающего и всестороннего образа своего княжества как праведного законодательного царства, а князя как идеального властителя (об этом рельеф Давида с указующим перстом), как образа победного крестоносного государства, покоряющего и христианизирующего языческие народы (об этом рельеф грифона, попирающего лань), решающего задачи не только миссионерства исповедуемой религии, но и вообще христианизации Севера-Востока Руси; княжества, осеняемого херувимами (об этом регистр женских масок) и покровом Богородицы (об этом собственно посвящение храма). В целом же, соединенное с идеалом Божьего творения (природой), деяние человека (постройка) без единого лишнего элемента (только земля, вода, храм как устойчивые модули) представило идеальную визуальную модель пространственной иконы: Храм на холме-острове, символе Сиона, мотив престола Бога посреди воды.

Символическая структура пространственной иконы Покрова на Нерли наряду с храмом вбирала в себя природные сущностные топосы: *реку*, водный поток, находящийся в постоянном движении, и *разлив*, олицетворяющий море. Сама природная особенность местности являла идеальную иконографию из трех рек: Клязьмы, Лыбеди и Нерли. Две первые, омывающие собственно ядро Андреевой столицы с Успенским собором и Золотыми воротами, освященные райским пространством этого Небесного Града, принимали у подножия Покровского храма воды третьей реки – Нерли. Эта тройственная константа, христианский идеал, играла свою роль (среди других значений) в организации пространства. Клязьма пролегла срединной линией по земле луга, Нерль обозначала его границу с востока. На месте слияния рек (символически это перекресток, крест), как концентрации иеротопических признаков, вознесся храм. Сакральные воды нерльско-клязьминского луга, три реки, символически райские потоки, вызывали образ четырех рек Священного Писания («Изъ Едема выходила река для орошения рая; и потомъ разделялась на четыре реки», Быт. 2: 10). И четырех рек, визуальными представленными на полу Софии Константинопольской, «где образ

райских рек формировал все пространство храма, а не только символическую структуру пола»²⁶.

Выбранное Андреем место являло собой неприемлемую для строительства природную территорию еще и по той причине, что было подвержено воздействию неуправляемой стихии. Воды, спокойные летом и осенью, становились чрезвычайно активны весной. Приводим свидетельство середины XX в.: «Во время весеннего разлива храм остается на небольшом островке, едва приподнятом над уровнем воды. При сильных же половодьях вода подходит к самым стенам здания и льдины порой бьют его цоколь»²⁷. Более раннее свидетельство подтопления постройки: «... иногда во время разливов... подступала под самую церковь талая вода, от которой и фундамент подмывается и из стен исподние камни обивает льдом»²⁸. Можно сказать, что во время весеннего разлива рек вода, покрывая всю территорию поймы, являет вид «морья», с как бы восходящим из священных вод храмом (ил. 7). Мотив «морья» вновь отсылает нас к Священному Писанию: Господь в процессе акта творения «...собрание водъ назваль морями» (Быт. 1: 10). Принципиально важно, что природная стихия, творящая «море», имеет отношение к таким знаковым символам, как омовение среды и обновление жизни. В этом смысле очищающие и жизнедающие свойства воды разлива обретают концепцию *потоп*, образа стихии творения, имея, таким образом, непосредственное отношение к сакрализации пространства. Холм во время разлива становится островом среди «морья», а храм – ковчегом. Природное омовение – как бы второе явление Храма (и в тоже время нового христианского царства-княжества). Составляя естественную параллель апокалиптическому образу моря (Откр. 4: 6) и изобразительному воплощению его в Константинопольском храме²⁹, концепт «реки» и «морья»

²⁶ Лидов А. М. «Райские реки» и иеротопия византийского храма // Живоносный источник. Вода в иеротопии и иконографии христианского мира: сборник материалов международного симпозиума / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2014, с. 53, 56.

²⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 277.

²⁸ Малицкий Н. В. Покровский упраздненный монастырь на р. Нерли // Из прошлого Владимирской епархии. Владимир, 1912. Вып. III, с. 13–19.

²⁹ Лидов А. М. «Райские реки» и иеротопия византийского храма, с. 53.

укладывается в модели библейского первообраза, Иерусалимского прототипа и Константинопольского образца.

В пространстве иконы церкви Покрова мы видим изобилие воды, воспринимаемое не продуктом рук человеческих, а творением мироздания, подчиняющееся его циклу и ритму, исключая элемент искусственности. С этой точки зрения водное пространство приобретает смысл райских вод, символа первообраза. Чтобы создать известный в раннем христианстве и в богословии образ священного моря и живой реки, не надо было никаких дополнительных усилий. Нужно было увидеть материальный объект в качестве сакрального пространства. Достаточно было использовать это уникальное природное явление, что и было, вероятнее всего, осуществлено Андреем.

Весьма важно, что в христианской традиции потоп рассматривается как символическое *крещение*: «Потопом Бог очистил землю»³⁰. Природная суть заливной поймы, связанная с омовением, постоянным зарождением и обновлением жизни, отвечающая основополагающим принципам таинства крещения, вполне вероятно могла явиться стимулом и объектом сакрального культового действия. Следование традиции «рек жизни», рек как символа купели (параллель с Иорданом) могло стать определяющим в использовании их для особо значимых и особо необходимых нужд крещения народа Северо-Востока Руси, конкретного проекта Андрея. Именно такое использование природных вод было, вероятно, в центре внимания князя и церкви. Так живая река, вечно движущаяся и обновляющаяся, усиленная разливом-потопом, источником жизни и очищения, осмысливается объектом ритуала.

Очевидно, что «исключительно сложный и опасный» проект³¹ был не только всесторонне продуман Андреем, но, несомненно, заказчик обладал знаниями о символической сущности воды в христианском вообще и византийском, в частности, осознании. Замысел состоял, вероятно, в

³⁰ Словарь библейского богословия / Под. ред. Ксавье Леон-Дюфура. Киев – Москва: Кайрос, 1998, стб. 144.

³¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 285.

отождествлении владимирского княжества с ветхозаветными, Иерусалимскими и Византийскими прообразами не только в плане градоустройства, но и в осуществлении восприятия и практики использования этими культурами священных вод. Подобные замыслы князя укрепляют позицию исследователей, видевших в деятельности Андрея ориентацию на Соломоново строительство³², но определенно говорят еще о его желании воссоздать черты Византийских христианских ритуалов.

Река как природный источник священной воды в качестве совершения таинства крещения в раннем христианстве использовалась широко. Известны иерусалимские и византийские практики: освящение воды в природных источниках и реках, крещение в реках с полным или частичным погружением в *проточные* воды. Евфрат принял народы Востока, Днепр освятил киевлян. Сам Христос погружался в воды Иордана («Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иорданъ къ Иоанну креститься отъ него», Мф. 3: 13). Для совершения обряда крещения в Клязьме и Нерли место их слияния и наличие здесь храма было идеальным.

Как видится, это был важный и необходимый государственный замысел, вполне осознанный и обоснованный данной исторической эпохой. Видимо, потребность крещения народа во времена Андрея была еще настолько велика, что при этом приходилось прибегать к массовости обряда, подобно тому, который использовал киевский князь Владимир Святославич при крещении киевлян в водах Днепра³³ или Леонтий Ростовский – ростовчан в Ростовском озере. Массовый обряд крещения в помещении самой церкви, традиционно проводившийся в нартексе, в условиях крайней маломасштабности покровского интерьера и предельной ограниченности пространства в западной его части, был практически невозможен. Эту роль могли взять на себя реки.

³² Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси XII в.: Владимир, Боголюбово. М., 1969, с. 437, примеч. 236.

³³ Рапов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // Вопросы истории, 1984. № 6, с. 46.

Не могла принять большое количество крестившихся и чаша-фиал со святой водой, оформленная киворием в виде минихрама восьмистолпной восьмигранной архитектурной конструкции³⁴ (ил. 8). К тому же эта своего рода агиасма установлена была в изолированном пространстве княжеского дворца-резиденции Андрея рядом с храмом Рождества Богородицы, в центре внутреннего двора, куда доступ народу, скорее всего, был ограничен.

Сакральность вод прослеживается как закреплённая традиция. Природные воды первоначально священны. Ветхозаветные истоки повествуют об освящении воды Святым Духом: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною, и Духъ Божий носился надъ водою» (Быт. 1: 2). Евангельские тексты в этой роли упоминают Ангела: «ибо Ангел Господень по временамъ сходилъ въ купальню и возмущалъ воду» (Ин. 5: 4). В раннехристианской и собственно византийской православной жизни закрепились практика освящения вод, основанная на Чине водосвятия с пением молитв и погружением в воды креста. В Софии Константинопольской обряд малого водоосвящения происходил 1 августа в соответствии с чествованием в этот день праздника происхождения честных древ Животворящего Креста Господня³⁵. Помимо того, «В первые дни августа в Византии происходило освящение воды в реках и озерах»³⁶. К этому причастно было и святилище из трех Богородичных церквей во Влахернах – базилики, ротонды и часовни-крещальни³⁷. Великое водоосвящение, происходившее шестого января в праздник Богоявления, когда «все воды мира становились святыми», опиралось на иерусалимскую традицию хода на Иордан. Практика Покровской церкви по освящению вод в нерльско-клязьминской пойме в этом отношении могла быть самой доступной и пространной и потому популярной для всего княжества. В действе «возрождения и обновления

³⁴ См. реконструкцию Н. Н. Воронина: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, илл. 122, вклейка между с. 252–253.

³⁵ *Лидов А. М.* Церковь Богоматери Фаросской: Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Лидов А. М. Иеротопия, с. 76.

³⁶ *Рапов О. М.* О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами, с. 46.

³⁷ *Этингоф О. Е.* Влахернское святилище в Константинополе и его значение для Древней Руси // Храм земной и Небесный. Вып. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2009, с. 85–154.

Святымъ Духомъ» (Тит. 3: 5), включающем крещение, естественно, использовалось летнее теплое время первых чисел августа, а также время празднования иконы Боголюбской Богоматери первого июля. Память об этом сохранялась долгое время. Поддерживался обычай хождения с молебном в указанный праздник к храму и набирания из старицы святой воды, чему свидетелем в середине XX в. был Н. Н. Воронин (см. ниже). Омываемые храм воды воспринимались источником жизни и использовались местным населением как целебные. Доказательным в плане не только священного свойства вод, но и, вероятнее всего, памяти обряда крещения в них является наблюдавшееся автором данного сообщения в 1980-х гг. действие, состоящее из троекратного погружения в воды старицы под стенами храма вставших в круг старушек, целенаправленно пришедших сюда первого августа.

До сих пор на том же месте в центре этого священного водоема (в озере-старице Клязьмы) устраивается крещенская купель (ил. 9).

В свете сказанного представляется, что отдельно возвышающийся в особой – водной – среде храм задумывается в первую очередь для особо значимой для северо-восточных земель того периода цели. Окруженный и омываемый священными водами и, в свою очередь, освящающий собой это водное пространство, княжеский храм видится уникальным *баптистерием*. Думается, что сказанное дает основание взглянуть на прославленный и широко изученный памятник как на программное иконическое произведение, содержащее не только концепцию государственности, но и имеющее отношение к таинству крещения народа подвластных Андрею земель.

Следует отметить, что тема священных вод и священнодействия с ними не нашла отражения ни в архитектуре храма, ни в его фасадной рельефной декорации. Заказанный Андреем храм полностью отвечал архитектурному типу, принятому в строительной традиции Владимиро-Суздальского княжества. Не отмечено и сопутствующих ему специальных построек типа баптистерия. Основной объем здания для этого крайне мал. Однако окружавшие его галереи с гупбищами над ними, предназначавшиеся, по Н.

Н. Воронину, для прибывавших в княжество гостей и купцов, были достаточно просторными³⁸ (ил. 10). Не для молившегося и крестившегося ли народа, перед и после водного омовения, они предназначались? Не для осуществления ли действия крещения с восточной стороны был воздвигнут крест³⁹ и спускалась в священные воды лестница, начинающаяся почти сразу от западного выхода из храма? Если исходить из осмысления храма как баптистерия, то назначение просторных галерей станет понятным. Также переосмыслится и широкая лестница, устроенная, возможно, не в целях своеобразного причала, но для удобства массового вхождения народа в воду. Омывающие же храм реки можно будет видеть естественными природными купелями. И не приобретут ли дополнительный символический оттенок женские маски, зрительно активный регистр в составе фасадной декорации, смысл которых Н. Н. Воронин возводил к символу девы Марии⁴⁰, а А. М. Лидов – к образам херувимов⁴¹? Исходя из темы крещения, баптистерия и самого характерного (иной раз этнически окрашенного) вида персонажей на масках (ил. 11), не имеет ли этот изобразительный сюжет отношения к высказанным версиям?

Значимость баптистерия для населения владими́ро-суздальской земли времени Андрея Боголюбского, как подсказывают исторические реалии, была велика: предыдущий князь земли – Юрий Долгорукий заботился в большей степени о завоевании киевского престола. Особенно активных усилий по насаждению христианства в Ростово-Суздальской земле с его стороны не прослеживается. Исследователи отмечают, что во времена XI –

³⁸ См. два варианта реконструкции храма Покрова на Нерли: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, илл. 149, 150, вклейки между с. 298 и 299.

³⁹ С восточной стороны от храма в сторону реки Нерли было найдено Н. Н. Ворониным бутовое основание «возможно, предназначавшееся для каменного креста или какого-либо изваяния»: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 282; другое свидетельство относится, вероятнее скорее всего, к более позднему памятнику, связанному с существовавшим здесь монастырем: «...на мысу у слияния Нерли и Клязьмы, где встречное течение двух рек намывало косы и перекаты, был поставлен монументальный путевой белокаменный крест с высеченной на нем “похвалой кресту”, который “утверждает” державу царей и благополучие верных им людей»: *Воронин Н. Н.* Новые памятники русской эпитафии XII в. // *СА*, 1940. Вып. VI, с. 309 (на основании сведений В. И. Доброхотова по Писцовым книгам 1645–1647 гг.: *Доброхотов В. И.* Древний Боголюб-город, с. 142).

⁴⁰ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 269.

⁴¹ *Лидов А. М.* О символическом замысле скульптурной декорации владими́ро-суздальских храмов XII– XIII вв. // *Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII в.* СПб., 1997, с. 173.

первой половины XII вв. финно-угорские племена Залесского края еще «были очень слабо затронуты новой верой»⁴², христианизация у местного населения длительное время вызывала протест⁴³. Усилия епископа Леонтия в Ростовской земле окончились его гибелью⁴⁴.

Далее отметим, как принципиальный момент, что храм был благословен и освящен посредничеством Богородицы. Посвящение храма Покрову Богородицы, указывало не только на ее особое покровительство князю, его деяниям и собственно княжеству, но и на содержание ее образа как Живоносного источника. Гимнографические тексты, посвященные Богородице, отмечают эту ее сущность: «Радуйся, яко многотекущую источаеши реку. Радуйся, купели живописующая образ»⁴⁵. Тем самым, само посвящение храма, поддерживающее тему священных вод и обряда крещения, находило логическое объяснение. Храм представлял живоносным, чудотворным источником, к которому прибегают как к целебной благодати Богородицы. В этой связи необходимо обратить особое внимание на весьма показательное, однако не слишком широко известное обстоятельство. Оказывается, холм, на котором стоит храм, образ «тверди посреди воды» (Быт. 1: 6), «точил воду». Примечательно, что свидетельство этого оставил нам Н. Н. Воронин, признававший только факты, подтвержденные археологией и строительными данными: «Интересно, что вода в озере-старнице у Покрова на Нерли считалась у местных деревенских богомолков “святой” и целебной. Мне приходилось видеть еще в 1956 г. как ветхие деревенские старухи приходили на озеро в праздник Боголюбовской иконы, с пением молитв набирали в посуду мутную стоячую воду и уносили с собой»⁴⁶. Исследователь так объяснил это явление: «Вода старицы пополняется не только разливом, но и обильными холодными донными

⁴² Ранчин А. М. Борис, Глеб, с. 109.

⁴³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 159; См. также: Фроянов И. Я. Древняя Русь. М.; СПб., 1995, с. 113.

⁴⁴ См., например: Голубинский Е. Е. История Русской церкви. 2-ое изд. М., 1901. Т. 1. с. 201–204.

⁴⁵ Акафист Пресвятей Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии. Икос 11 // Канонник. М.: Синодальная типография, 1905, с. 36.

⁴⁶ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 535, примеч. 62.

ключами, так что в древности холм под храмом, возможно, и реально “точил воду”, которой приписывали “целебную сладость”»⁴⁷.

В плане же иконического осмысления образа явление живоносности, водоточивости храма представляется символически глубинным. Мы сталкиваемся здесь с осмыслением Храма (наряду с истолкованиями его Небесным Иерусалимом, Космосом, Раем⁴⁸) как «Христа, из которого течет река, орошающая и животворящая»⁴⁹. Храм, освящающий окружающие воды и сам окруженный сакральным пространством, вполне обоснованно может быть осмыслен как баптистерий-купель.

Итак, конкретные действия Андрея возможно рассмотреть в контексте пространственной иконы, в которой были суммированы все обозначенные выше усилия князя по созданию иеротопического образа. Такому осознанию данного пространства способствовала, в первую очередь, сама его исходная природная составляющая – вода. Священные воды были использованы в целях воспроизведения бытующего в раннехристианское время культового обряда крещения в реальной речной и заливной среде. Процессу сакрализации изначальных стихий земли, воздуха, воды и приданию пространству иконной сущности способствовало и вознесение среди вод Храма торжественного облика, претворившего природную данность в зримый, идеальный и цельный иконический образ (традиция строительства культовых сооружений на водах может быть подтверждена примером ветхозаветного храма в Иерусалиме, поставленного на скале над водной бездной⁵⁰).

Вполне очевидно, что князем Андреем Юрьевичем Боголюбским был осуществлен специальный проект создания сакральной среды, которому предшествовало *видение* и осознание иконической сущности первоизданной территории пойменно-речного луга, а также *знание* христианской обрядовой практики крещения в среде неиссякаемых, постоянно обновляющихся

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Лидов А. М. «Райские реки» в иеротопии византийского храма, с. 56.

⁴⁹ Словарь библейского богословия, стб. 147.

⁵⁰ Лидов А. М. Райские реки в иеротопии византийского храма, с. 54.

священных источников. Богоданная живая меняющаяся среда, Храм-баптистерий, подвижное массовое действо обряда явили христианскому миру уникальную пространственную икону, возникшую в культуре Владимиро-Суздальского княжества и в целом Северо-Востока Руси.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. АН СССР – Академия наук СССР, Москва, Ленинград.
2. ГВСМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
3. МГУ – Московский государственный Университет
4. ОЛДП – Общество любителей древней письменности
5. ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси, Москва
6. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, Санкт-Петербург, Ленинград, Москва
7. РГБ – Российская Государственная библиотека
8. СА – Советская археология, Москва

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Город Владимир и омывающие его реки Лыбедь и Клязьма. XII в. Макет. ГВСМЗ
2. Общий вид нерльско-клязьминской поймы с церковью Покрова. Аэрофотосъемка А. Николаева. 2013 г.
3. Церковь Покрова со старицей р. Клязьмы (на переднем плане) и река Нерль. Аэрофотосъемка А. Николаева. 2013 г.
4. Грифон, попирающий лань. Рельеф северо-восточного тимпана церкви Покрова. 1165 г.
5. Пардусы. Рельефы, фланкировавшие оконный проем южного фасада лестничной башни церкви Покрова. 1165 г.
6. Рельефная композиция центрального тимпана южного фасада церкви Покрова. 1165 г.
7. Разлив в нерльско-клязьминской пойме. Фото В. Чучадаева. 2013 г.
8. Фиал в Боголюбовском замке возле церкви Рождества Богородицы. 1158 г. Реконструкция Н. Н. Воронина
9. Крещенская купель в старице Клязьмы у храма Покрова. 2014 г.
10. Храм Покрова на Нерли. 1165 г. Реконструкция Н. Н. Воронина
11. Женская маска. Рельеф северного фасада церкви Покрова. 1165 г.

